

РАНЕННЫЙ ФЕВРАЛЬ

* * *

Поскольку истина одна,
но правд неискоренимо много —
не наша, в общем-то, вина,
что мы четвертовали Бога,
что разменяли красоту
на манифесты и каноны,
по эту сторону и ту
подняв потешные знамёна.

Не мы, а правды ходят в бой,
производя себя в кумиры,
оставив нам, борясь с судьбой,
жить в этом лучшем из размирий,
где сто веков огонь и дым,
зато всегда найдётся дело
и проходимцам, и святым,
и красным армиям, и белым;

где прав и врач, и костолом,
и мазохист, считая лишней
границу меж добром и злом...
и даже ты, когда твердишь мне,
помимо прочей чепухи,
что большей блажи нет на свете,
чем без конца кропать стихи
в то время как семья и дети...

А я спокоен, как ландшафт —
пишу себе, стараясь высечь
из кремня слов одну из правд,
важнейшую из сотен тысяч.

А там – пусть, истиной не став,
сгорит она, как все, впустую...
Я существую, значит, прав.
Я прав, а значит, существую.

ГИТИКА

О, мой учёный друг, ты знаешь много гитик!
Но как же мне, певцу, в теорию облечь,
что раненый февраль слезой из сердца вытек
и ветер обратил в рифмованную речь?

Не мучился ли я, невосполнимо тратясь
на спящие в шкафах пудовые труды,
не резал ли гортань о леденящий градус
в надежде овладеть искусством немоты?

Буравил душу снег, дела катились к чёрту,
от свинга фонарей кружилась голова,
пытаясь отыскать заветную реторту,
из сумрака стихий родящую слова.

Проблескивал намёк сквозь марево дороги,
пытал морзянкой звёзд, подмигивал с икон.
И чем же я могу похвастаться в итоге? –
увы, не дался мне магический закон.

Так не суди меня за песни, что не спеты,
и пусть отрежешь ты: мол, это не всерьёз.
Но, кажется, судьба и гитика поэта –
как раненый февраль, пронзительный до слёз.

* * *

В фонарном круге – человек,
от счастья сам не свой,
глядит, как полночь сыплет снег
из чаши мировой.

И человек бросает смех
в искрящуюся тьму,
поняв, что снег идёт для всех,
а слышно – лишь ему.

* * *

Здравствуй, мама, я вновь у могилы твоей.
Мир, как прежде, и свят, и порочен.

И всё тот же ползёт по плите муравей,
и ромашковый бриз вдоль обочин.

Не волнуйся: твой сын и здоров, и женат,
не сквалыга — а что ещё надо?
И у внуков твоих в крыльях ветры звенят —
ты была бы, конечно же, рада.

Можно даже сказать, всё идёт хорошо —
то ли выпал билет в лотерее,
то ли стал я честнее и строже душой
или просто с годами мудрее.

Я давно отличаю друзей от врагов,
с дурачьём и судьбою не спорю
и снежинкам всю жизнь удивляться готов,
и люблю, и не ведаю горя.

Разве только всё чаще с тоскою гляжу
в чумовые глаза листопада
и ручьи по весне, и берёзовый шум
научился ценить как награду.

Разве чуть подустал от людской беготни,
хвастунов и базарного крика.
А за то, что поэт, ты меня не вини —
ведь у счастья различные лики.

* * *

Роняет штукатурку парапет,
желтеет в лужах мёртвая вода.
У пересохших рек названий нет —
к чему же эта надпись у моста?

В пустое русло сколько ни входи —
всё так же глух и неподвижен зной;
лишь стоны чайки, сбившейся с пути,
окатят вдруг солёною волной.

Я имя и черты твои забыл,
брожу среди битых стёкол и камней.
Мелеет память — остаётся ил.
Прольётся туча — вырастет репей.

РЫБАК

Звёзды в небе, в воде и на том берегу.
Ты стоишь мимо Волги, впадающей в осень,

устремляя задумчивый взор к рыбаку,
что плывёт по течению, вёсла отбросив.

Он плывёт, как звезда, — никуда не спеша,
вдоль оранжевых бакенов тысячелетий,
ни за дрожь ветерка в париках камыша,
ни за волны судьбы пред тобой не в ответе.

Он скользит меж миров, прикорнув у руля,
он застыл в фиолетовой точке покоя,
созерцая, как маленькой лодкой Земля
очарованно катится Млечной рекою.

* * *

Тайна реки — в час, когда все
спят,
и облака застыт луне
взор,
воды морей катит она
вспять —
к яслям времён, в храмы родных
гор.
Видишь, встаёт из глубины
свет,
чуешь, дрожит нервами свай
мост? —
это спешат, пряным ветрам
вслед,
пить небеса братства морских
звёзд.

* * *

Больничный двор — как мысли о побеге:
сколь ни флиртуй, как марку ни держи —
сквозь прутья, загипсованные снегом,
глядишь на городские этажи.

В палате время, точно капли в вены,
течёт угрюмо, вечность за другой,
и ум, набухший эскулапской феней,
кричащим зубом рвётся на покой.

Вся в звёздной сыпи, ночь бесцеремонно
покашливает вьюгой, и луна,
слепя, как лампы в операционной,
дробится в стёклах и лишает сна.

И мечешься: «ах, если б в небо птицей!»
Потом вздыхаешь: «если б да кабы» ...
и любишь жизнь — за то, что ей не скрыться
от леденящих скальпелей судьбы.

В МАРИЙКЕ

Не верь попам, приятель мой:
наш мир затем лишь создан,
чтоб годы солнечной смолой
текли по этим соснам;

чтоб нас, отвыкших от чудес,
гугукая, как совы,
весь день гонял марийский бес
вкруг озера лесного.

Глядишь — в который раз она,
та самая поляна;
грибник с глазами колдуна,
мычащий полупьяно,

мол, берег рядом, видит бог...
Но мы мотаем вёрсты,
чтоб, одурев, свалиться с ног
у мрачного погоста,

где идол грозно шепчет ввысь
о том, как непокорно
и яро с жизнями сплелись
языческие корни...

И вновь тропа сквозь глухомань —
бредём на луч багровый,
платя гудящим духам дань
своей крещёной кровью —

всё для того лишь, чтоб луна,
вдруг выведя к опушке,
потом всю ночь лишала сна,
звеня тебе на ушко,

что звёзды дальних деревень —
не более чем признак
того, что всё обман и тень...
и сам ты, братец, призрак.

* * *

Если долго учиться молчать
у погостов, руин и закатов —
на челе замерцает печать
сопричастности тайнам Гекаты.

Ты прочтёшь перекрёстки судьбы,
глядя в грозную лунную книгу,
и поймёшь, как слепые волхвы
правят путь по свиному крику.

Ты услышишь, как в недрах земли
бьют кирками в гранитные стены
души тех, что небес не нашли,
и сражаются корни растений.

Станет облик твой юн и суров,
верен лук, и дыхание спокойно,
ибо счисливших гроздь миров
не пугают ни время, ни войны.

Но когда хлынут горлом слова,
чтобы веку поведать об этом —
их развеет ночная листва
ветерком серебристого света.

* * *

Знать, тебе суждено быть солдатиком стойким
и с корыстью вести нескончаемый бой —
раз твоя принадлежность к творящей прослойке
пропечатана в сердце шестою графой.

Видно, краем шагать до последнего часа —
твой исполненный горького счастья удел,
если глянец ливрей и кровавых лампасов
ни лобзать, ни к себе примерять не умел.

И палить тебе в храмах бессильные свечи
за торгующих флагом свободы жлобов —
коль назло бухенвальдам и правилам речи
с человеком разумным рифмуешь любовь.

ЧЁРНЫЙ ЯЩИК

От земли до небес — годы чёрной работы,
от небес до земли — пара ярких минут.

Мародёры растащат куски самолёта,
но однажды в золе самописец найдут.

Слушай, мир, как пилот, с турбулентностью спора,
надрываясь, вытягивал к сердцу штурвал
и, вдохнув напоследок родные просторы,
с благодарностью имя любимой призвал.

Ты не бойся, душа, мародёров могилы:
видишь, звёздные ноты роняя за лес,
нас рифмуют со всеми, кого мы любили,
несгораемые самописцы небес.

* * *

Мне хочется, чтоб в небе кто-то был —
пусть непонятный и в обличье строгом, —
но чтоб, когда мы обратимся в пыль,
и память нашу, и мечты сберёт он;

чтоб знать, что у души надёжный тыл,
когда её томит засушность хлеба,
и чтоб он нас хоть чуточку любил...
поскольку без любви — на что нам небо?

